

- Athens, 1917. P. 1—432. Лихачев Н. П. Печати патриархов константинопольских // ТМНО. Т. 2, вып. 1; Laurent V. Le Corpus des sceaux de l'empire Byzantin. P., 1963. T. 5. 1; Zacos G. Byzantine lead seals. Bern, 1984. Vol. 2.
- ³ Лихачев Н. П. Печати патриархов... С. 61—62.
- ⁴ Laurent V. Le Corpus... P. XVIII.
- ⁵ См.: Юргевич В. Н. Две печати, найденные в византийском Херсонесе в 1884 году // ЗООИД. 1886. Т. 14. С. 20.
- ⁶ Wroth W. Catalogue of the Imperial Byzantine coins in the British Museum. L. 1908. Vol. 2. Pl. LXIV. 6, 7; Pl. LXX. 2, 6, 7.
- ⁷ См.: Ibid. Pl. LXXI. 1, 4, 16, 17.
- ⁸ См.: Ibid. Pl. LXXIV. 3, 5, 6.
- ⁹ См.: Панченко Б. А. Каталог моливдовулов. София, 1908. Вып. 1. С. 41.
- ¹⁰ См.: Laurent V. Le corpus... P. XXIII.
- ¹¹ См.: Лихачев Н. П. Печати патриархов... С. 51.
- ¹² См.: Василевский В. Г. Epirotica saeculi XIII: Из переписки Иоанна Навпактского // ВВ. 1896. Т. 3. С. 269.
- ¹³ См.: Laurent V. Le Corpus... Nr. 32.
- ¹⁴ См.: Zacos G. Byzantine lead seals. Vol. 2. P. 39. Nr. 34.
- ¹⁵ См.: Ibid. P. 39.
- ¹⁶ См.: Laurent V. Le Corpus... P. XXIII.
- ¹⁷ См.: Юргевич В. Н. Две печати... С. 1.
- ¹⁸ См.: Якобсон А. Л. Средневековый Херсонес (XII—XIV вв.) // МИА. 1950. Вып. 17. С. 32.
- ¹⁹ См.: Даркевич В. П. Произведения западного художественного ремесла в Восточной Европе (X—XV вв.) // САИ. 1966. Вып. Е—1—57. С. 37. № 63; Он же. Художественный металл Востока VIII—XIII вв. М., 1976. С. 55—56; Колесникова Л. Г. Восточное стекло из собрания Херсонесского музея // ВВ. 1973. Т. 34. С. 249—256.

О. Ю. БЕЛОУС

Нижнетагильский педагогический институт

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЭКСПЛУАТАЦИИ ГОРНЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ В РИМСКОЙ ИМПЕРИИ И РАННЕЙ ВИЗАНТИИ (II—VI вв.)

В одной из работ нами освещалось важное звено организации римского горного дела — управление горной промышленностью в IV—VI вв. — и была предпринята попытка определить верхний эшелон позднеимперского и ранневизантийского бюрократического аппарата, контролирующего эту отрасль экономики¹.

В настоящей статье ставится задача проследить, в чем распоряжении были важнейшие горные предприятия во II—VI вв.² В исторической науке вопрос разработан недостаточно³, для советской историографии он новый.

Несмотря на несовершенную технику, горное дело являлось значительной доходной статьей римского бюджета к началу империи⁴. Императоры стремились к расширению своих прав и возможностей в горном деле, так как нуждались во все большем количестве металла для укрепления финансов, обеспечения военного могущества, а также материалов для широкой строи-

тельной деятельности. Поэтому уже с первых лет империи правительство принимало решительные меры, чтобы взять в свои руки наиболее крупные и доходные предприятия (особенно добычу золота и серебра). Частные владения постепенно конфисковывались, и горное дело становилось преимущественно государственной монополией⁵.

К концу I в. н. э. в руках императора и фиска было сосредоточено большое число рудников и карьеров. Характерным является известный факт конфискации Тиберием серебряных и медных рудников у богатейшего человека Испании Секста Мария⁶. Рудники его перешли сначала в государственную собственность, в аегагium, но вскоре были отобраны в личную собственность императора. Многие рудники Тиберий конфисковал у городов (Светоний. Тиб. 49). Т. Франк считает, что от конфискаций Тиберия пострадали многие лица в Испании, Галлии, Греции, Сирии⁷. Конфискация рудников имела конечной целью увеличение доходов казны, повышение их продуктивности путем лучшей эксплуатации. Наличие во времена Флавиев прокураторов в такой важной горнопромышленной провинции, как Бетоттика (являлась сенаторской провинцией), свидетельствует о вмешательстве императоров в дела управления сенатскими провинциями. Стремясь укрепить свое экономическое могущество за счет ослабления сенаторского, императоры изымали из их сферы управления и подчиняли своей непосредственной власти наиболее богатые горные предприятия. Концентрации горного дела в руках императоров служили и другие средства — купля, наследование.

Однако некоторые рудники и карьеры продолжали оставаться в частных руках. Надписи называют имена частных владельцев свинцовых рудников (CIL. VII. 220). Очевидно, частными были мраморные карьеры в Пиренеях (Ibid. XIII. 38). В Галлии наряду с императорскими железными рудниками имелись и рудники, находившиеся во владении частных лиц и муниципий (Ibid. XII. 4398, 3336; XIII. 1576, 1577).

Каковы же были формы пользования горными предприятиями в рассматриваемую эпоху?

Источники говорят нам о крупных съемщиках предприятий — *conductores*. Обычно такому крупному съемщику-кондуктору отдавался в аренду отдельный рудник на определенный срок и на определенных условиях. Особенно часто эта форма пользования применялась там, где вводились в действие новые рудники и, следовательно, старых форм пользования не было⁸.

Из *Lex metalli Vipascensis* следует, что в районе рудников Випаски (Лузитания) кондукторам разрешали на определенных условиях также эксплуатацию различных бытовых предприятий (бань, парикмахерских, сапожных мастерских, мастерских по шитью и ремонту одежды и т. п.). Кондуктору отдавали на откуп сбор ряда налогов (Ibid. II. 5181).

О сдаче в аренду собственно горных предприятий эти надписи сведений не дают. Возможно, они содержались в утраченных частях испанских статутов. Но кондукторы засвидетельствованы в качестве крупных арендаторов горных предприятий во многих частях империи⁹. Они играли важную роль на императорских рудниках, обеспечивая содержание их, организацию добычи руд и производства металла.

Сравнение арендных обществ республиканского периода с крупными съемщиками времен империи позволяет выяснить, какие изменения произошли к этому времени в арендных отношениях. Первые были сильными организациями, деятельность которых не контролировалась и носила лишь финансовый характер. Публиканы заботились только о сборе вектигалия с мелких арендаторов, которые являлись собственно горнорабочими. Если работы велись с помощью рабов, то публиканы должны были содержать и технический персонал и руководить административной стороной производства. Теперь вместо арендного общества был один человек — *conductor*. Но деятельность его находилась под сильным контролем прокуратора рудников. Очевидно, в период реформ, затронувших и горную промышленность, при Флавиях и Адриане (когда были изданы оба документа *Lex metalli Vipascensis*) произошло дальнейшее ограничение влияния кондукторов и усиление их зависимости от государственных чиновников, прокураторов¹⁰. Как видно из данных документов, прокуратор мог оштрафовать их за любую, даже небольшую провинность.

Однако положение кондукторов на различных рудниках не было одинаковым. На железных рудниках фиксируются очень крупные кондукторы. Например, надпись из Вируна (Норик) от II в. н.э. (*Ibid.* III. 480) называет *Q. Septueius Clemens, con(ductor) fer(rariarum) N(oricarum) P(annoniarum) D(elmatiarum)*, взявшего в аренду железные рудники в трех соседних провинциях. Такие кондукторы занимали высокое социальное положение, часто были всадниками или куриалами (напр.: *Ibid.* III. 4788). Их деятельность на железных рудниках не ограничивалась арендой сбора определенных налогов или арендой бытовых и ремесленных предприятий, как это было у более мелких кондукторов в Випаске или у кондукторов дакийских золотых приисков, которых Текгольм приравнивает к колонам в Випаске¹¹. Крупные кондукторы сами сдавали участки мелким арендаторам, с которых собирали *vestigalia*.

Надпись из Любии (римская Далмация, ныне Босния) от 201 г. н.э. упоминает кондуктора Гая Юлия Агатопа, арендовавшего железные рудники в этом округе. Д. Сергеевский полагает, что Агатоп был таким же крупным кондуктором, как *Q. Septueius Clemens* из Вируна¹². Наличие таких крупных кондукторов засвидетельствовано только для железных рудников, и, очевидно, отражает различные способы управления железн-

ными и другими рудниками, косвенно подтверждая существование особого *lex ferrariarum*, упомянутого в *Lex metalli Vipascensis*, который регулировал отношения на железных рудниках. Заботясь особо о благородных металлах, из которых чеканилась монета, правительство усиливало контроль за добычей золота и серебра. Естественно, что добыча железа не требовала такого жесткого контроля, и поэтому крупная аренда в старой форме на железных рудниках сохранялась дольше.

И все же усиление государственного контроля происходило и в железодобывающей промышленности. Если вначале это было большее ограничение прав кондукторов контролем имперских прокураторов, то впоследствии крупные кондукторы исчезают и рудники переходят полностью под управление прокураторов. При рассмотрении надписей III в. н.э. из важных горнопромышленных округов Далмации — Любии и Градины близ Сребреницы, т.е. более поздних, нельзя не заметить, что они больше не упоминают кондукторов. Вместо них на первый план выступают *procuratores Augusti*¹³. Очевидно, этого требовали интересы обеспечения нужд армии. Аналогичную картину мы видим в начале III в. н.э. в Галлии, где железные рудники стали управляться специальными *procuratores ferrariarum*: «*T. Statilius Optatus, procurator Aug. ad cens(us) Gallorum, procurator Aug. ferrariarum*» (Ibid. VI. 31863).

В условиях недостатка рабочей силы участки рудников и отдельные шахты сдавались в аренду мелким предпринимателям — *оссураторес* и *coloni*¹⁴, с которых взималась арендная плата. Следует отметить, что рудничные статуты разрешали оккупаторам и колонам образовывать на паях общества по совместной разработке — *societates* (Ibid. X. 3964; XV. 7916).

Переход к мелкой аренде при закрепившемся прокураторском надзоре делал излишним звеном крупного кондуктора. В Сисции (Верхняя Паннония), где находилось центральное управление паннонскими железными рудниками (Ibid. III. 3953), мы видим *прос. Aug. n. праепо(итус) splendidissim(i) vect(игалис) ferr(ариум)* вместе с *арс(ариус) стат(ионис) Сисс(инае)*, без упоминания кондукторов. По-видимому, производство здесь вели мелкие арендаторы, с которых кондуктор собирал налоги.

В эпоху империи система мелкой аренды встречается почти на всех рудниках, даже частных. Каждому, кто обладал необходимыми средствами, государство предоставляло возможность оккупировать неразрабатываемые участки рудников и карьеров, заброшенные шахты и т.п. Об этом, в частности, говорится в *lex venditionis* из Випаски (Ibid. II. 5181)¹⁵. Для претендентов на право разработок полезных ископаемых *lex* вводил строгую регламентацию, имевшую целью наилучшим образом обеспечить интересы фиска. Колоны не были полными собственниками шахт, так как казна, сохраняя за собой право при любом нарушении установленного регламента отобрать участок, этим

самым фактически сохраняла право собственности на него. За пользование участком колон должен был прежде всего единовременно внести определенную сумму, например, на серебряных рудниках — 4000 сестерциев. Только после этого он мог начать разработку своей копи, внося регулярно налог натурой. При оккупации неразбатывавшихся либо покинутых участков фиску отдавалась половина добытой руды. Это значительно больше, чем на оккупируемых сельскохозяйственных участках, где арендатор отдавал $1/3$ продукции¹⁶.

На золотых приисках Дакии во II в. н. э. зарегистрированы кондукторы, отличающиеся от кондукторов других рудников. Текст трех надписей (Ibid. III. P. 948—949. № 9—11) почти идентичен. Табличка № 10¹⁷ рассказывает, что Аврелий Адьютор нанимает на низкооплачиваемую работу на золотые прииски Меммия, сына Асклепия. Вряд ли здесь идет речь о крупном арендаторе-кондукторе, как на железных рудниках Паннонии и Далмации. Скорее всего это мелкий арендатор, занимавший примерно такое же положение, как *oscipatores* и *coloni* в Випаске. А принятый рабочий соответствует *mercenarii*.

По-видимому, крупных кондукторов на дакийских золотых приисках не было. Управлял рудником непосредственно прокуратор со своим штатом. Дакия была присоединена к империи позже других провинций, ранних форм управления горными предприятиями здесь не было, кондукторы к этому времени повсюду теряли свое значение. Данные известных восковых табличек — *tabulae ceratae* — из *Alburnus Maior* в Дакии говорят о существовании там коллегий горнорабочих, а также о системе заключения письменных трудовых контрактов с наемными работниками (Ibid. III. 924—959).

Некоторые особенности организации производства можно проследить на каменоломнях. Сам процесс добычи здесь значительно проще, чем на рудниках. Уже в юлиев-клавдиевский период императоры захватили львиную долю мраморных карьеров. Управлялись они императорскими рабами или вольноотпущенниками и разрабатывались путем сдачи в аренду крупным или мелким предпринимателям — *redemptores operis*. Здесь мы не встречаем таких терминов, как *conductores*, *coloni*, *oscipatores*. В Египте роль крупных и мелких арендаторов играли мистоты¹⁸.

Огромное число карьеров, каменоломен и других разработок полезных ископаемых местного значения находилось в руках муниципий, воинских частей, занятых оборонным и дорожным строительством, храмов, частных лиц. Естественно, что число разработок местного значения в добыче строительных материалов, соли, гончарной глины и т. п. ископаемых намного должно было превышать число разработок общегосударственного значения. На дальних границах, например в Британии, добычу угля, железа, свинца вели легионы, очевидно, для своих

нужд и, весьма вероятно, своими силами¹⁹. Как сообщает Тацит (Анн. XI. 20), Курций Руф построил в области маттиаков, используя легионеров, серебряный рудник. Данных о горнопромышленных предприятиях, принадлежавших храмам, у нас мало. Т. Брайтон упоминает солеварни в Приеве (Кария), находившиеся в распоряжении храма *Athena Polias*, а также карьеры и солеварни храма Артемиды Эфесской²⁰.

Из надписей можно заключить, что фиск имел на рудниках собственное плавильное производство, например, в Випаске и на дакийских золотых рудниках. Это понятно. Металлургия от горного дела в этот период еще не отделилась, и фиск стремился причитающуюся ему часть добычи рудника получить в виде готового металла. Для этого мелким арендаторам передавались в аренду и плавильные печи.

Изменения в праве на добычу ископаемых произошли во второй половине IV в., точнее, с 382 г. (CTh. X. 19. 10; CJ. XI. 7. 3), возможно, даже раньше²¹. Теперь предприниматель должен был отдавать 1/10 дохода казне, 1/10 собственнику земли, а остальное мог оставлять для собственных целей. Обязательства перед частным владельцем земли были сохранены и Юстинианом²². Разрешение на добычу золота частным лицом в поздней империи зафиксировано Ульпианом, считавшим, что закон разрешал добычу любого металла любому лицу, если это не вредило земледелию (Dig. VII. 1. 13. 5).

В исторической литературе бытует мнение, что золотые месторождения рано были монополизированы государством. Ссылаются обычно на один из законов в Дигестах, разрешавший частным лицам добывать серебро и другие металлы, а также нерудные полезные ископаемые, но не упоминавший о золоте (Ibid. XXVII. 9. 3. 6). Так как в подобных документах золото, как правило, ставится на первое место, то некоторые историки²³ делали вывод, что декрет о государственной монополии на добычу золота должен был появиться до выступления Павла, который ссылался на предоставление Севером частным лицам права добывать металлы, но не упоминал о золоте.

Однако, как уже говорилось, эти Дигесты (по Ульпиану) свидетельствуют о том, что добыча золота частным лицам разрешалась. Вряд ли можно сомневаться в наличии такого закона. Что касается указанной компиляции из павловских и ульпиановских сентенций, вызвавших некоторое недоумение историков, то, возможно, эти формулировки являются интерпретацией Трибонианом текстов Павла и Ульпиана применительно к эпохе Юстиниана²⁴.

Когда был принят закон о переходе всех месторождений золота в собственность государства и, вообще, был ли такой — вопрос спорный. У. Текгольм считает, что это произошло вскоре после Ульпиана. По его мнению, все прииски, о которых идет речь в 19-м титуле Кодекса Феодосия, — это уже государствен-

ные владения. Однако, на наш взгляд, два указа этого титула (365, 392) могут относиться к частным золотоискателям²⁵. Оба эти постановления повторены в Кодексе Юстиниана (CJ. XI. 7. 1; XI. 7. 5).

Возможно, что интерпретация Трибонианом текстов Павла и Ульпиана свидетельствует не о том, что золотые прииски полностью были изъяты из частной собственности, а лишь о том, что добыча золота регулировалась особым законом. Характер залегания золота таков, что во все времена государству было выгодно привлекать к золотодобыче возможно большее число мелких предпринимателей, монополизировав, в крайнем случае, не добычу, а скупку, т.е. приобретение готового продукта.

Изменение характера государственной власти в империи эпохи домината не могло не вызвать изменений в частном праве, которое оказывалось еще больше подорванным государственным вмешательством в право свободно распоряжаться своей частной собственностью. Яркие примеры подобного вмешательства мы находим в том же 19-м титуле Кодекса Феодосия. Затруднения, испытываемые в горной промышленности, государство пыталось ликвидировать дополнительной эксплуатацией свободного населения сверх эксплуатации рабов и осужденных. Уже в 320 г. Константин издал рескрипт с целью привлечь в горную промышленность мелких предпринимателей. Такую же политику проводил и император Юлиан (CTh. X. 19. 1, 2).

Этими декретами любому предпринимателю предоставлялось право резать мрамор в любом, в том числе частном, карьере. Такой предприниматель находился в подобном же положении, что и *usufructuarius*, так как он не был владельцем участка, на котором вел разработку. Поэтому между ним и владельцем участка должна была иметься договоренность, как это фиксируется, например, в Кодексе Феодосия (Ibid. X.19.10).

Следует отметить, что закон от 382 г. (повторен CJ. XI.7.3) был издан после восстания готов 375—378 гг., к которому примкнули многие горняки²⁶. Закон этот давал привилегии в горном деле частным искателям, особенно по мрамору, и сохранялся, очевидно, долгое время, так как был включен и в Кодекс Юстиниана.

Две системы разработки полезных ископаемых: одна — на государственных предприятиях, вторая — крупными и мелкими предпринимателями-подрядчиками (*redemptores*) существовали весь рассматриваемый период. Однако государственные предприятия, широко использовавшие труд рабов и осужденных, не могли обеспечить необходимый рост производства, не говоря уже о том, что рабский труд становится все менее рентабельным, а число *damnati ad metalla* уже с начала IV в. резко изменилось²⁷. Государству пришлось вести политику, с одной стороны, все большего привлечения на свои горные предприятия лиц наемного труда, которых много было уже во II—III вв.,

а с другой стороны — содействия мелким предпринимателям. О политике содействия мелким предпринимателям говорят многие упомянутые нами статьи Кодекса Феодосия. Вместе с тем государственная власть активно вмешивалась в право свободно распоряжаться частной собственностью. Примеры этому мы находим в том же 19-м титуле Кодекса Феодосия. Кульминация такого вмешательства — декрет 393 г., адресованный префекту претория Руфину, о полном запрещении частным лицам добывать мрамор (CTh. X.19.3). Цель этого акта очевидна из его текста: устранить конкуренцию частных предприятий и использовать занятых в них горнорабочих, рассчитывая, таким образом, несколько уменьшить дефицит рабочей силы и повысить доходы фиска за счет частных лиц. Можно думать, что этот закон, изданный, очевидно, по инициативе Руфина, был отчасти причиной ненависти знати к Руфину, убитому впоследствии. Но так или иначе, вряд ли этот закон действовал долго, в Кодекс Юстиниана он не вошел.

В IV в. важным был вопрос не о розыске новых месторождений, а о работниках и предпринимателях для горных предприятий фиска. Недосток рабочей силы был острым в горном деле. С IV в. горные предприятия фиска большей частью пустовали²⁸.

Очевидно, декрет 393 г. был вызван заботой привлечь работников и предпринимателей на земли фиска. Этому посвящены многие декреты Кодекса Феодосия, в которых идет речь о возвращении беглых горняков²⁹. Юстиниан включил в Дигесты все положения о *damnati ad metalla*, причем правителям провинций, в которых не было горных предприятий, приказывается направлять осужденных в те провинции, где горная промышленность имелась (Dig. X.III.19.7).

Решить вопрос о рабочей силе с помощью одних осужденных было трудно, поэтому в 424 г. Феодосий издал эдикт о принудительном возвращении в свои дома всех металлургов с семьями, которые покинули места, где они родились, и возвращении им их статуса (CTh. X.19.15). Этот пространственный эдикт, правда, в весьма сокращенном виде, повторен в Кодексе Юстиниана (CJ. XI.7.7).

В Кодексе Феодосия в декретах, касающихся горного дела, выступает главным образом одна категория горнорабочих — *metallarii*. Это те самые мелкие арендаторы (*coloni*), о которых речь шла выше. Однако положение их изменилось: из свободных, добровольно работавших на горных предприятиях, они были превращены в наследственно прикрепленных к профессии. Участь *metallarii* была еще более тяжелой, чем участь сельских колоннов. Это отчетливо фиксирует пятнадцатое постановление 19-го титула Кодекса Феодосия.

Постоянная, зачастую мелочная опека со стороны чиновников, тесная правовая и хозяйственная зависимость, чрезмерное

вмешательство в право распоряжения,— все это подрывало мелкособственническую инициативу, вело к бегству горняков из горнопромышленных районов, в конечном итоге — к снижению производства и поступлений в казну. Попытки первых императоров обеспечить подъем горного дела путем привлечения свободных рабочих и мелких предпринимателей в старых общественно-экономических условиях не оправдали себя.

¹ См.: Белоус О. Ю. Об управлении горными предприятиями в поздней Римской и ранней Византийской империях (IV—VI вв.) // АДСВ. Вопросы социального и политического развития. Свердловск, 1988. С. 43.

² Для решения проблемы использованы: фрагменты рудничных законов (Lex metalli Vipascensis) // FIRA. № 112—113; CIL. П. 5181; Штаерман Е. М. Избранные латинские надписи по социально-экономической истории ранней Римской империи. № 791—792 // ВДИ. 1956. № 1; tabulae ceratae из дакийских золотых рудников в Alburnus Maior // CIL. III. 948—949; Штаерман Е. М. Избранные латинские надписи... № 449—450 // ВДИ. 1955. № 4; клейма, надписи на надгробиях и другие эпиграфические находки, содержащиеся в FIRA, CIL, GZM, CTh (Титул 19 десятой книги содержит 14 императорских указов IV в. и один от 424 г., все они касаются вопросов горного дела), CJ // CJS. 1959. Bd. 2; Digesta // Ibid. 1954. Bd. 1.

³ В 30-е гг. нашего века появились крупные обзорные работы о рудниках Римской империи (см.: Davies O. Roman Mines in Europe. Oxford, 1935; Täckholm U. Studien über der Bergbau der römischen Kaiserzeit. Uppsala, 1937). По восточным провинциям интересный материал содержат статьи в коллективном труде: An Economic Survey of Ancient Rome / Ed. T. Frank. Baltimore, 1933—1940. Vol. 1—5. Указанные труды представляют своеобразную энциклопедию по горному делу Рима.

⁴ См.: Econ. Surv. Vol. 1. P. 138—157.

⁵ Перечень принадлежащих императору рудников дается: Marquardt O. Römische Staatverwaltung. Leipzig, 1884. Bd. 2. S. 295. О конфискации многих рудников Тиберием говорят Тацит (Ann. VI. 19) и Светоний (Тиб. 49). Политику Тиберия продолжали его приемники, разными путями (конфискация, наследование, покупка) сосредоточившие в своих руках самые главные и доходные рудники, например, золотые и серебряные в Паннии, Далмации и Дакии (CIL. III. 1997. 6575), оловянные и свинцовые в Британии (Ibid. VII. 220), медные и железные в Лурипани (Випаска), Беотике, Норике, Паннии, Галлии (Ibid. II. 956, 1179; III. 3953, 4788, 4809; V. 810, 7583, 7584). По сведениям Плиния (NH. 33. 67), золотые месторождения Далмации сразу же перешли в императорскую собственность. Медные рудники Кипра перешли императору уже при Августе (см.: Davies O. Roman mines... P. 9), так же, как мраморные — Гиметские в Аттике, Каристинские на Эвбее; карьеры на островах Парос, Феумес, Хиос; малоазийские в Кари и Фригии (см.: Econ. Surv. Vol. 4. P. 648).

⁶ Тацит, Диодор говорят о конфискации у Секста Мариа золотых приисков (см.: Тацит. Ann. VI. 19; Диодор. 58.22). В русском переводе А. С. Бобовича и др. (Тацит. Соч. I. 163) указаны медные рудники. Возможна путаница латинских aereus и aureus. Ср.: Davies O. Roman Mines... P. 114.

⁷ Econ. Surv. Vol. 5. P. 9.

⁸ См.: Rostovzeff M. Geschichte der Staatspacht in der römischen Kaiserzeit bis Diokletian. Leipzig, 1902. S. 446.

⁹ В Галлии, например, кондукторы (позже praepositi) возглавляли пункты взимания налогов в Арле (CIL. XII. 717. 724), в Гренобле (Ibid. XII. 2252), в Авильяна (Ibid. V. 7209, 7211, 7213), в Цюрихе (Ibid. XIII. 5244), в Альпах — в Redo близ Борго — Сан-Далмацио (Ibid. V. 7852), в Пиренеях — в Theza (Ibid. XII. 5362), на Рейне — в Кельне (Тацит. Ист. IV. 65), возможно, в Кобленце (CIL. XIII. 7623) и в других местах. В своем распоряжении они имели штат вольноотпущенников и рабов.

¹⁰ О политике усиления административного контроля при Адриане см.: *Econ. Surv.* Vol. 5. P. 70—74.

¹¹ *Täckholm U. Studien über der Bergbau...* S. 114.

¹² См.: *Sergejevski D. Rimski rudnici Zeleza u sjeverozapadnoj Bosni* // *GZM.* 1963. С. 93.

¹³ Прокураторы упоминаются в надписях из Любии: от 209, 211—217, 223, 228, 229, 247 (или 248) и 253—268 гг. Исследуя их, Сергеевский (см.: *Sergejevski D. Rimski rudnici...*) выдвигает гипотезу, что на территории Япры, к востоку от Саны, было организовано императорское имение. С датировкой надписей он связывает предполагаемое им посещение этих рудников Септием Севером.

¹⁴ Буриан поддерживает Шенбауера в трактовке терминов «*colonus*» и «*ossuragator*». Первый — арендатор, получивший официально право эксплуатации определенного участка рудника. Второй — лицо, воспользовавшееся, возможно, временными обстоятельствами, чтобы возобновить на известных условиях работу в заброшенном руднике или открыть новый. И те, и другие рассматривались государством как мелкие арендаторы. В оккупаторах государство виделo дополнительную рабочую силу для разработки рудников. См.: *Schönbauer E. Beiträge zur Geschichte des Bergbaurechts* // *Münchener Beiträge zur Papyrusforschung.* München, 1929. Nr. 12. 1. 63—64; *Burian I. Leges metallorum et Leges saltuum* // *Zeitschrift für Geschichtswissenschaft.* 1957. Heft 3. S. 541.

¹⁵ См. также: *Штаерман Е. М. Избранные латинские надписи...* № 791, 792.

¹⁶ См.: *Econ. Surv.* Vol. 5. P. 49.

¹⁷ См.: *Штаерман Е. М. Избранные латинские надписи...* № 449.

¹⁸ Римские рудники и каменоломни в Египте обстоятельно описаны: *Fitzler K. Steinbrüche und Bergwerke im ptolemäischen und römischen Aegypten.* Leipzig, 1910.

¹⁹ См.: *Econ. Surv.* Vol. 3. P. 34—37, 41—44.

²⁰ См.: *Ibid.* Vol. 4. P. 566, 645, 679.

²¹ См.: *Kazer M. Das römische Privatrecht.* München, 1959. Bd. 2. S. 191.

²² *Dig. VIII. 4. 13. 1*; *Levy E. West Roman Vulgar Law* // *The Law of Property.* Philadelphia, 1951. P. 122; *Biondi B. La diritto romano cristiano.* Milano, 1953. Bd. 2. P. 308.

²³ См.: *Schönbauer E. Beiträge zur Geschichte...*

²⁴ На интерполяции в *Digesta* (XXVII. 9.36) указывает и *Index Interpolationum quae in Justiniani digestis inesse dicuntur II. Supplementum I.* (Weimar, 1929). Интересующая нас часть текста («*vel quae alia metalla*») считается интерполированной. См. также: *Mispoulet J. Le regime des mines a l'époque romaine et au moyen age d'après les tables d'Aljustrel.* P., 1908. P. 57; *Schönbauer E. Beiträge zur Geschichte...* S. 141.

²⁵ «Императоры Валентиниан и Валент Августы Кресконию, комиту metallorum. — После длительного размышления мы полагаем, что должна быть издана санкция, чтобы, если кто пожелает собственным трудом способствовать процветанию горных промыслов, приобрел преимущества для себя и государства. Поэтому, если какие-либо лица добровольно и в большом числе будут приходить для такой цели, то ваша достохвальность должна требовать от таких лиц платить по 8 скрупул золотого песка с каждого. Сверх того, если они будут способны собрать больше, то они предпочтительно должны продавать вышеупомянутое казне, от которой будут получать соответствующую цену от наших щедрот» (365 г.; *CTH. X.* 19.3).

«Императоры Валентиниан, Феодосий и Аркадий Августы Ромулу, комиту священных щедрот. — Каждый год по 7 скрупул с человека должно быть уплачено в фонд священных щедрот золотодобытчиками не только в диоцезе Понта, но также и в диоцезе Азии» (392 г.; *CTH. X.* 19.12).

Некоторые районы золотодобычи (*metallica loca*) были государственной собственностью, но они могли находиться в эксплуатации у частных лиц, которые должны были выполнять обязанности перед фиском (*Ibid. X.* 19.15).

²⁶ Несомненно, трудности, испытываемые правительством в обеспечении горных предприятий рабочей силой, вызвавшие, в частности, декрет 370 г.

(CTh. X. 19.7), направленный против беглых горняков, были усугублены вторжением готов. Они привели даже к бегству с рудников административного персонала (прокураторов рудников), о принудительном возвращении которых говорит декрет 386 г. (Ibid. I. 32.5; см. также: Ammianus Marcellinus. XXXI. 6).

²⁷ Декрет Галерия от 311 г. о прекращении гонений на христиан привел к освобождению многих осужденных от работы на рудниках (см.: *Historia Ecclesiastica*. Leipzig, 1890). В 400 г. всеобщую амнистию *damnati ad metalla* объявил Гонорий.

²⁸ См.: Rostowzew M. *Gesellschaft und Wirtschaft in römischen Kaiserreich*. Leipzig, 1934. Bd. 2. S. 59.

²⁹ CTh. X. 19.5, 6, 7, 9, 15; о возвращении беглецов см. также: Ibid. X. 20.15 (CJ. XI. 7.13); Ibid. X. 20.17 (CJ. XI. 7.15).

О. Р. БОРОДИН
Институт всеобщей истории АН СССР

ГРЕКО-ВОСТОЧНАЯ ДИАСПОРА В РАВЕННСКОМ ЭКЗАРХАТЕ И ПЕНТАПОЛЕ

Присутствие в Равеннском экзархате и Пентаполе на всем протяжении византийского господства лиц греческого и восточного происхождения бесспорно. В то же время попытки установить их квоту в составе всего населения региона, выявить динамику ее изменения наталкиваются на препятствия, связанные с состоянием источников. Хотя мы встречаем непосредственные указания в документах на этническое происхождение некоторых лиц, этих немногочисленных и случайных упоминаний совершенно недостаточно для статистических выкладок. Антропонимические исследования проводятся, но их надежность часто вызывает сомнения у специалистов.

Французский византист А. Гийу извлек из равеннских документальных источников 150 имен людей, живших в экзархате с 80-х гг. VI до середины VIII в. Проведенные им подсчеты дали следующий результат: в конце VI в. среди носителей этих имен было 50 % с латинскими именами, 43 % — с восточными, 7 % — с готскими; в конце VII — начале VIII в. соответственно 45 % — с латинскими, 50 % — с восточными, 5 % — с готскими. По данным А. Гийу, до возникновения Равеннского экзархата среди населения этой зоны было 70 % носителей латинских, 16 % восточных, 14 % готских имен¹. Исследователь делает вывод о резком увеличении количества греков и выходцев с Востока среди населения Италии вскоре после византийского завоевания.

Т. С. Браун в своей недавней монографии о господствующем слое населения византийской Италии резко критикует методику А. Гийу². Он указывает, что общее количество и хронологическое распределение использованных А. Гийу документов не отвечают требованиям статистического анализа. Момент образо-